

УДК 342.7
DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-28-39

Конституционализация мировоззренческой свободы в контексте светского государства и свободы совести в Российской Федерации

С. Е. Дробот

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрен процесс нормативной и судебной-интерпретационной конституционализации светского государства, свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации. На материалах Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, законодательных актах отечественного и зарубежного конституционного права исследована практика понимания светского государства и защиты свободы совести, охраны автономии религиозных объединений. Автор приходит к выводу о том, что в основе отечественной конституционализации светского государства лежала задача не ограничить религию и ее влияние на государство, а защита прав верующих от государственного вмешательства и навязывания атеистической идеологии. Анализ европейской практики показывает, что главным проявлением светскости является свобода совести и свобода мировоззрения, а не государственный статус (или его отсутствие) у той или иной религиозной конфессии. Отличием российской конституционализации свободы вероисповедания от практики защиты свободы вероисповедания в рамках ЕСПЧ является направленность к суверенизации и национализации религиозного пространства России, что проявляется в механизме регулирования осуществления миссионерской деятельности иностранными религиозными организациями. Российская Федерация идет по пути формирования кооперационной модели светского государства с тесным взаимодействием (партнерством) государства с традиционными российскими конфессиями.

Ключевые слова

светское государство, свобода совести, религиозные организации, конституционализация, мировоззренческая свобода, секуляризм

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00761 А

Для цитирования

Дробот С. Е. Конституционализация мировоззренческой свободы в контексте светского государства и свободы совести в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 3. С. 28–39. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-28-39

Constitutionalization of Opinion Freedom in the Context of a Secular State and Freedom of Conscience in the Russian Federation

S. E. Drobot

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the process of normative and judicial-interpretative constitutionalization of the secular state, freedom of conscience and religion in the Russian Federation. Based on the materials of the European Court of human rights, the constitutional Court of the Russian Federation, legislative acts of domestic and foreign constitutional law,

© С. Е. Дробот, 2020

the practice of understanding the secular state and protecting freedom of conscience, protecting the autonomy of religious associations is studied. The author comes to the conclusion that the basis of the domestic constitutionalization of the secular state was not to limit religion and its influence on the state, but to protect the rights of believers from state interference and the imposition of atheistic ideology. Analysis of European practice shows that the main manifestation of secularism is freedom of conscience and freedom of worldview, and not the state status (or lack thereof) of a particular religious denomination. The difference between the Russian constitutionalization of freedom of religion from the practice of protecting freedom of religion under the ECHR is thrust to the sovereignty and the nationalization of the religious space in Russia, which is manifested in the mechanism of regulation of missionary activities of foreign religious organizations. The Russian Federation is on the path of forming a cooperative model of a secular state with close interaction (partnership) of the state with traditional Russian confessions.

Keywords

secular state, freedom of conscience, religious organizations, constitutionalization, worldview freedom, secularism

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-011-00761 A

For citation

Drobot S. E. Constitutionalization of Opinion Freedom in the Context of a Secular State and Freedom of Conscience in the Russian Federation. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 3, p. 28–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-28-39

В современном российском правоведении вектор конституционализации рассматривается как поисковый путь к собственной идентичности. Как отмечает В. И. Крусс, «конституционный правовой порядок и конституционно-правовая система становятся научными категориями и достоверными (реальными) для правоведения – предметно-значимыми – политико-социальными явлениями» [1. С. 6]. Как направление развития не только конституционной юриспруденции процесс конституционализации охватывает различные элементы конституционализма; значимыми областями конституционализации становятся основы конституционного строя (глава 1 Конституции РФ).

Конституционализм основывается на ценностях и целях, закрепленных в конституции. Одним из конституционных принципов, провозглашенных в Конституции РФ, является принцип светского государства. Конституционные принципы выступают юридическим основанием конституционализации правового порядка. В науке конституционного права выделяют несколько подходов к пониманию конституционализации: 1) возведение правовой нормы в конституционное положение; 2) процесс реализации конституции и ее воздействия на правовой порядок; 3) проникновение конституционных норм и принципов в отраслевое законодательство [2. С. 82–83]. При этом особенно важным является согласование нормативных, интерпретационных и правореализационных компонентов осуществления конституционных целей и принципов российского конституционализма [3. С. 52]. В процессе реализации и интерпретации конституционного принципа светского государства следует учитывать специфику отечественного конституционного строительства, поскольку причина провозглашения современного Российского государства светским была иной, чем в классических конституциях XVIII–XIX столетий. В основе идеи лежала задача не ограничить религию и ее влияние на государство, а защита прав верующих от государственного вмешательства и навязывания атеистической идеологии. Поэтому уже в ходе подготовки текста конституции отвергались те предложения, которые могли бы в дальнейшем интерпретироваться в сторону ограничения влияния религии на общество, ущемления прав верующих или излишней правовой регламентации религиозных отношений. Так, например, на Конституционном совещании А. Я. Слива предложила добавить статью о светском государстве принципом равноправия религий. Предложение не получило поддержки. Б. С. Эбзеев справедливо заметил, что этим придавался бы правовой оттенок системам воззрений, образам мыслей [4. С. 37]. Трепетное отношение к религии на Конституционном совещании проявилось и в отказе от включения в первую статью Конституции такой конституционной характеристики государства как «светское». По мнению М. А. Митюкова, сторонники исключения данной характеристики из тек-

ста первой статьи полагали, что «светское» можно истолковать двояким образом, в том числе как «атеистическое» [5. С. 70].

В юридической литературе отсутствует единство взглядов на содержание принципа светского государства. Анализ правовых позиций ученых позволяет выделить несколько подходов к пониманию сущности принципа светского государства. Согласно первому подходу принцип светского государства означает мировоззренческий нейтралитет государства и отделение от него религиозных объединений. Так, по мнению С. А. Бурьянова, у государства не должно быть никакой вероисповедной политики [6. С. 24], а высшие должностные лица государства не вправе публично реализовывать свое право на свободу вероисповедания, демонстративно появляться в дни религиозных праздников в храмах и на богослужениях [6. С. 70]. А. А. Исаева связывает претворение в правовой жизни России светской доктрины с моделью «сепарационного» секуляризма [7. С. 226]. И. И. Кондрашкин рассматривает указанный принцип как ограничение клерикализма вплоть до ограничения появления священнослужителей в общественных местах в культовой одежде и запрета трансляции религиозных церемоний по государственному телевидению [8. С. 131]. Такое понимание принципа светского государства предполагает строгое разделение государства и религии, равную удаленность всех конфессий от государства. Другим подходом к пониманию сути светского государства является конструктивная светскость, которая предполагает взаимодействие государства и религиозных организаций, а также делает акцент не на равенстве религиозных организаций, а на праве граждан на свободу вероисповедания и запрете устанавливать обязательную религию. В частности, М. О. Шахов отмечает, что светское государство не оценивает содержание религиозных учений, не делает выводы о его правильности или ложности, при этом последствия реализации данных учений могут и должны быть оценены государством, а в случае противоречия такой практики законодательству проявлять неравенство в общении с такими религиозными объединениями, ограничивать их деятельность [9. С. 181]. При этом закрепление за религиозным течением статуса государственного будет являться нарушением принципа светского государства, однако от такого нарушения следует отличать установление государственной религии через закрепление государственного статуса религиозной организации как «государственной церкви», что не является нарушением конституционного принципа [10. С. 131; 11. С. 131]. На наш взгляд, принцип светского государства включает в себя набор отношений государства с религиозными объединениями и гражданами, характерной чертой которых выступает недоминирование религии в вопросах государственной политики и свобода вероисповедания. В светском государстве осуществляется секуляризация достоинства личности, когда христианские и гуманистические корни человеческого достоинства не оцениваются в качестве достижения исключительно христианской культуры, появляется стремление видеть в природе человека его достоинство независимо, но в контексте его религиозной принадлежности и господствующего соотношения светских и религиозных ценностей [12. С. 31, 32, 35]. Все другие признаки светского государства, представленные в научной литературе, не отражают специфику отдельных светских государств и могут быть применимы локально по отношению к каждому конкретному государству. В научной литературе выделяют три основных типа (разновидности) или модели светского государства: сепарационный, авторитарный (сегрегационный) и кооперативный [13. С. 40; 9. С. 27–29]. Так, кооперационный тип предполагает тесное взаимодействие и сотрудничество государства и религиозных объединений в конституционно значимых целях достижения общественного блага: профилактика правонарушений, социальное обеспечение малоимущих, охрана памятников истории и культуры. Светское государство не предполагает обязательное отделение религиозных объединений от государства. В частности, во Франции, которая рассматривается многим авторами эталоном светского государства, в департаменте Эльзас-Мозель священнослужителям выплачивается государственное денежное содержание [9. С. 208, 209]. Во многих современных государствах осуществляется конституционализация традиционной (основной, господствующей) религии, когда на уровень конституционных положений выносятся указание на традиционную религию с указанием ее государственного статуса или без

такого указания. Так, в Болгарии о восточно-православном вероисповедании говорится как о традиционной религии Болгарии (статья 13 Конституции). В Македонской республике вместе с провозглашением равенства всех религиозных объединений отдельно упоминается Македонская православная церковь (статья 19 Конституции). В Армении указывается на признание исключительной миссии Армянской апостольской церкви (статья 18). В конституциях отдельных светских государств предусмотрена возможность заключения особого соглашения (конкордата) между национальным государством и Святым Престолом по поводу положения Католической церкви в стране. В частности подобные положения предусмотрены конституцией Польши (статья 25). В Грузии конституционное соглашение заключается между Грузинским государством и Грузинской православной церковью (статья 9 Конституции Грузии). О государственной поддержке конкретной религии отмечается на конституционном уровне в Аргентине (статья 2) и Боливии (статья 3).

Таким образом, основным и главным проявлением светскости следует считать свободу совести и вероисповедания, а не государственный статус (или его отсутствие) у той или иной религиозной конфессии, поскольку само по себе закрепление в конституции той или иной религии в качестве государственной еще не влечет обязательной дискриминации представителей иных вероисповеданий. Трудно согласиться с мнением А. А. Исаевой о том, что нельзя допускать дифференцированный статус религиозных организаций исходя из их вклада в развитие истории и культуры страны [14. С. 78]. В настоящее время отечественный законодатель уже осуществил некоторую дифференциацию религиозных конфессий исходя из их вклада в становление и развитие российской государственности, в его историю и культуру. В частности, преамбула Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» подразделяет российские конфессии на: 1) конфессии, которые сыграли «особую роль в истории России» (православие); 2) конфессии, которые государство «уважает», поскольку они составляют «неотъемлемую часть исторического наследия народов России» и поименованы в преамбуле (христианство, ислам, буддизм, иудаизм); 3) иные религии, которые также составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России, но непосредственно в законе не поименованы; 4) конфессии, которые не составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России, упоминание о которых в преамбуле отсутствует. Зарубежный опыт также свидетельствует о наличии в законодательстве дифференцированного подхода к конфессиям. Так, в Трудовом кодексе Болгарии в качестве нерабочих выходных дней устанавливаются основные православные праздники (Рождество, Пасха)¹. В Венгрии Конституционный Суд отметил, что наиболее важные христианские праздники устанавливаются в законодательстве в качестве государственных и это не противоречит светскому характеру республики, поскольку они признаны таковыми не в силу их религиозного содержания, а общественного, культурного и исторического значения². Такая дифференциация не влечет установления дополнительных прав и обязанностей той или иной конфессии, но ориентирует правоприменителя в понимании традиционности или не традиционности для России конфессии, ее значения для общества и страны, в том числе в процессе принятия решения о взаимодействии государства или государственного органа с религиозным объединением в различных сферах. Учет мнения традиционных конфессий осуществляется и Конституционным Судом РФ в процессе судебного нормоконтроля по делам о проверке конституционности различных законоположений. Так, основой для традиционного понимания семьи и семейных ценностей Конституционный Суд РФ видит в позиции традиционных российских религиозных конфессий, которые это понимание формулируют и разделяют³. При этом, как отмечают некоторые исследователи [9. С. 412; 15. С. 34], законодательство не со-

¹ URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/1594373121> (дата обращения 20.03.2020).

² Постановление Конституционного Суда Венгрии № 10 от 27 февраля 1993 года // *Mogyar Kozlony (Official Gazette)* // HUN – 1993-1-004 / The Codices Dotobase. URL: www.codices.int (дата обращения 20.03.2020).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // *Рос. газета*. № 226. 03.10.2014.

держит определение понятий «религия», «вероисповедания» и «вероучение». Поэтому в настоящее время не проясненным остается вопрос о степени конкретизации вероисповедания в уставе религиозной организации. Как отмечает ЕСПЧ, отсутствие достаточно точного и ясного указания верований и обрядов в уставе религиозной организации не может являться правомерным основанием для отказа в государственной регистрации данной организации, а требование о необходимости доказывания отличия вероисповедания регистрируемой религиозной организации от вероисповеданий уже зарегистрированных организаций ограничивает свободу вероисповедания, поскольку фактически влечет допущение существования только одной религиозной организации для каждой религиозной конфессии⁴. Отечественный законодатель отчасти пошел по пути установления требования о необходимости конкретизации вероисповедания. В частности, при регистрации организации заявителю необходимо указать сведения об основах вероучения и соответствующей ему практики, в том числе об истории возникновения религии и данного объединения, о формах и методах его деятельности, об отношении к семье и браку, к образованию, особенностях отношения к здоровью последователей данной религии, ограничениях для членов и служащих организации в отношении их гражданских прав и обязанностей. В вопросе противодействия терроризму и экстремизму, а также прочим деструктивным религиозным объединениям в целях недопустимости маскировки деструктивных вероучений требуется обеспечить соответствие содержания того или иного вероисповедания общепринятой религиоведческой классификации вероисповеданий. Особенностью отечественного процесса конституционализации принципа светского государства является установление правовой дифференциации религиозных объединений в зависимости от их организационно-правовых форм. По мнению Конституционного Суда РФ, федеральный законодатель, реализуя полномочия, вытекающие из статей 71 и 76 Конституции РФ, вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания религиозного объединения в качестве юридического лица, порядок его учреждения, создания, государственной регистрации, определить содержание правоспособности религиозных объединений⁵. Так, законодатель различает религиозные организации и религиозные группы, первые – имеют государственную регистрацию, право собственности и возможность передачи им объектов религиозного назначения, находящихся в собственности публично-правового образования. Религиозные организации дифференцируются на местные и централизованные (централизованные организации обладают исключительным правом создания духовных образовательных организаций). Еще одним критерием дифференциации является «возраст» организации. Так, централизованные организации, действующие на территории РФ на законных основаниях не менее 50 лет вправе использовать в своем наименовании слова «Россия», «российский» и производные от них.

Целям сохранения конфессиональной целостности и единства централизованных религиозных организаций устанавливается ограничение прав для местных организаций, не являющихся частью централизованной организации, но относящиеся к такому же вероисповеданию (так называемые «неканонические» или «раскольнические» организации). Такие местные организации по российскому законодательству в течение 10 лет не вправе: 1) обучать детей религии в государственных и муниципальных школах вне рамок образовательной программы; 2) иметь при себе представительство иностранной религиозной организации; 3) проводить религиозные обряды и церемонии в лечебных и иных социальных учреждениях, а также местах лишения свободы; 4) учреждать СМИ; 5) приглашать иностранных миссионеров. Такая практика отчасти расходится с позицией ЕСПЧ, который указывал на недопустимость формирования государством вероисповедной политики, направленной на защиту интересов тра-

⁴ Постановлении ЕСПЧ от 15 июня 2017 года (жалоба № 58088/08) «По делу Методиев и другие против Болгарии» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 11.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 года № 115-О-О «По жалобе Местной религиозной организации Евангельских христиан-баптистов города Мытищи «Библейская миссия» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70040368/> (дата обращения 20.03.2020).

диционной конфессии и основной «господствующей» религиозной организации. По делу «Священный синод Болгарской православной церкви (митрополита Иннокентия) и другие против Болгарии»⁶ ЕСПЧ указал на то, что государство не вправе обеспечивать в законодательном порядке исключительные представительские полномочия и контроль за деятельностью всего религиозного сообщества одной пусть и «господствующей» в обществе религиозной организации. Закон Республики Болгария запрещал религиозным конфессиям использовать уже существующие названия, а также предусматривал запрет использовать конфессиональное наименование для организаций, вышедших из структуры уже зарегистрированных организаций. По мнению ЕСПЧ, в данной ситуации государственная власть приняла меры, непосредственно направленные на принуждение общины к признанию одного из двух соперничающих руководств и подавлению другого. В деле «Религиозная община Свидетелей Иеговы и другие против Австрии» Европейский Суд негативно оценил установление в национальном законодательстве барьеров для новых религиозных течений, но уже имеющих статус юридического лица⁷. Полагаем, что отечественное правовое регулирование, устанавливающее дифференциацию религиозных объединений и различный объем их прав, соответствует конституционному принципу светского государства, поскольку служит защите конституционных ценностей и обосновано целями обеспечения гражданского мира и согласия в обществе, охрану суверенитета, прав и свобод человека и гражданина. Во-первых, как отмечалось выше, принцип светского государства проявляется не в отсутствии у государства вероисповедной (или конфессиональной) политики и абсолютно нейтрального отношения ко всем конфессиям, а в недоминировании религии в вопросах государственной политики и в соблюдении свободы вероисповедания. Установление различной правоспособности «традиционных» крупных централизованных религиозных организаций и мелких организаций обусловлено не религиозными догматическими мотивами, а государственными и общественными светскими интересами. Во-вторых, в конституционном тексте отсутствует конкретизация статуса религиозного объединения (понятие, виды, права и обязанности), тем самым Конституция в этом вопросе предусматривает широту дискреционных полномочий федерального законодателя. Законодатель на каждом этапе государственно-правового развития страны, с учетом исторических условий и общественных запросов, вправе предусмотреть соответствующие содержанию принципа светского государства и свободы мировоззрения правила, если они не искажают само существо свободы мировоззрения, права на объединение и свободы деятельности общественных объединений.

Ряд дополнительных гарантий свободы совести и вероисповедания содержит Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», который развивая конституционные положения, устанавливает принцип невмешательства государства во внутреннюю деятельность религиозного объединения. Весьма интересной правовой конструкцией, выработанной законодателем, является регистрация духовной образовательной организации в качестве местной религиозной организации. Такой статус образовательной организации (зарегистрированной как «религиозная организация») позволяет существенно повысить степень автономности образовательного учреждения, поскольку согласно закону о религиозных объединениях, религиозные организации в своей деятельности руководствуются собственными внутренними установлениями (нормами канонического права и т. д.), а законодательство об образовании применяется к таким организациям с серьезными изъятиями из общих правил. Автономия религиозных организаций как принцип отечественного светского государства нашел отражение и в процессе судебной-интерпретационной конституционализации светскости Конституционным Судом РФ. Высший орган конституционного правосудия уделил внимание охране права религиозных организаций на использова-

⁶ Постановление ЕСПЧ от 22 января 2009 года (жалоба № 412/03, 35677/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 3.

⁷ Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2008 года (жалоба № 40825/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 12.

ние в своей деятельности своих внутренних установлений, указав на отсутствие нарушения конституционных прав и свобод граждан (туристов) правилами, содержащими требования к одежде посетителей монастыря. Как отметил Суд, государство признает внутренние установления религиозных организаций, которые не противоречат закону. При этом в компетенцию Конституционного Суда не входит проверка внутренних установлений религиозных организаций, а суд общей юрисдикции подтвердил законность таких установлений⁸. Суд и иные органы государства не должны вмешиваться в суть дела, оценивать обстоятельства дела, которое касается исключительно канонических норм и правил. В частности, по спорам в государственных судах между членами религиозных организаций о нарушении членом религиозной организации внутренних установлений религиозной организации суд не должен самостоятельно оценивать нарушено ли каноническое право, а только признать, что факт нарушения констатирован религиозной организацией. Иное означало бы ограничение светского конституционного принципа самостоятельности религиозных организаций. Так, например, Псковский городской суд в 2012 г. по иску граждан-членов приходского собрания о незаконности их исключения из приходского собрания отказался исследовать вопрос о том, имело ли место отступление членов приходского собрания от канонов, поскольку «деятельность и состав приходского собрания не относится к компетенции суда общей юрисдикции»⁹.

Целям охраны свободы вероисповедания подчинена нормативная и судебная конституционализация миссионерской деятельности в Российской Федерации. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ введено правовое регулирование миссионерской деятельности религиозных объединений¹⁰, которым предусмотрена необходимость для граждан, не являющихся священнослужителями, письменного подтверждения полномочия на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозного объединения. Подобное правовое регулирование оправдано необходимостью охраны прав и свобод человека, интересов религиозных объединений, а также противодействию религиозному экстремизму. Конституционный Суд РФ, оценивая указанные законоположения отметил, что право на объединение в целях совместного исповедания веры предполагает в том числе право на распространение своих убеждений и осуществление миссионерской деятельности, а вводимые законодателем меры, относящиеся к миссионерской деятельности и их реализация правоприменителем не должны искажать само существо свободы вероисповедания, права на объединение и свободы деятельности религиозных объединений, возможные ограничения, затрагивающие эти конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям¹¹. Ввиду того, что законодатель посредством поправки к Федеральному закону о свободе совести и религиозных объединениях установил требования к осуществлению миссионерской деятельности, а также ввел административную ответственность за нарушение данных требований, Конституционный Суд РФ обратил внимание правоприменителя на необходимость разграничения миссионерской деятельности и обычной информации о деятельности религиозного объединения, указав на то, что в отличие от нейтральной информации, содержащей сведения о религии, миссионерская деятельность имеет целью вовлечение в ре-

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2002 года № 209-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Михайловой Марии Борисовны и Рывкина Кирилла Альбертовича на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 15 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=15329#07135434791746045> (дата обращения 20.03.2020).

⁹ Решение Псковского городского суда Псковской области от 17 октября 2012 года № 2-2878/2012 «Об оспаривании решения центральной религиозной организации Псковской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/27940631/28136476/> (дата обращения 20.03.2020).

¹⁰ Рос. газета. № 149. 08.07.2016.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 года № 2514-О «По жалобе гражданина Клименко Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьями 6, 7, пунктом 1 статьи 24.1 и пунктом 1 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

лигию новых участников. Кроме того, следует отметить, что государственное регулирование миссионерской деятельности не касается права гражданина индивидуально распространять свои собственные религиозные взгляды. То есть, если гражданин не является представителем религиозного объединения и не действует с целью вовлечения лиц в какое-либо религиозное объединение, то его поведение не может квалифицироваться как миссионерская деятельность [16. С. 11]. Однако некоторые справедливые опасения вызывает вопрос о практике судебной интерпретации принципа светскости образования в государственных и муниципальных образовательных организациях. Так, по делу № 19-АПГ13-2 от 10 июля 2013 г. Верховный Суд РФ подтвердил правомерность установления Правительством Ставропольского края требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся, которыми запрещается ношение религиозной одежды в помещениях образовательных организаций. В обоснование своей позиции Верховный Суд РФ указал на принцип светского характера образования. Как отмечает И. В. Понкин, образование является светским не потому что оно запрещает проявление религиозности, а наоборот, потому что оно признает все вероисповедания [10. С. 115]. По мнению Е. Н. Марковой, принцип светского государства предполагает обязанность государства и его институтов соблюдать религиозную нейтральность, но не может распространяться на обычного гражданина, который не выполняет государственных функций [17. С. 58]. Светское образование предполагает лишь то, что школа не преследует миссионерских целей и не ставит задач по формированию определенного религиозного мировоззрения [18. С. 126]. С. В. Янкевич и Н. В. Княгинина отмечают избирательность, выборочный подход регионального законодателя к ограничению религиозных атрибутов в школьной форме, поскольку ограничения присутствуют в основном в отношении исламских и иудейских атрибутов [19. С. 100]. Европейский Суд высказался по вопросу ношения религиозной одежды в публичных местах в решениях «Ахмет Арслан против Турции»¹², «Эвейда и другие против Соединенного Королевства»¹³, «Хамидович против Боснии и Герцеговины»¹⁴, «Лачири против Бельгии»¹⁵. Вместе с тем по делу «Лейла Шахин против Турции»¹⁶ ЕСПЧ отметил, что запрет на ношение хиджабов в турецких университетах может считаться необходимым для защиты прав других лиц посредством сохранения принципа светскости. Представляется ошибочным понимание принципа светского образования как запрета использования в одежде религиозных символов. Светскость образования касается образования, образовательного стандарта, его содержания, а не одежды и внешнего вида обучающегося. Иное понимание светскости образования ограничивает конституционные права и свободы граждан, такие как право на образование и свободу совести. Распространение подобной практики в других субъектах РФ может привести к негативным последствиям в межнациональных и межконфессиональных отношениях.

Согласования с конституционными принципами требуют правила антитеррористической защищенности объектов религиозных организаций. Согласно требованиям, утвержденным Правительством РФ¹⁷, предлагается выделить три категории объектов (в зависимости от прогнозируемого количества пострадавших в результате совершения террористического акта), на которых будет реализовываться комплекс мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности. В частности, предусматривается необходимость периодического (не реже 3 раз в сутки) обхода и осмотра объекта лицами, осуществляющими охрану объекта.

¹² Ahmet Arslan and Others v. Turkey, App. № 41135/98, ECHR Judgment of 23.02.2010.

¹³ Eweida and Others v. the United Kingdom. App. № 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10. ECHR Judgment of 15.01.2013.

¹⁴ Hamidovic v. Bosnia and Herzegovina. App. № 57792/15. ECHR Judgment of 05.12.2017.

¹⁵ Lachiri v. Belgium / Affaire Lachiri c. Belgium (in French). App. № 3413/09. ECHR Judgment of 18.09.2018.

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 10 ноября 2005 года (жалоба N 44774/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 11.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 5 сентября 2019 года № 1165 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) религиозных организаций и формы паспорта безопасности объектов (территорий) религиозных организаций» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 37. С. 5175.

Такие требования должны создаваться с учетом внутренних установлений религиозных организаций (недопустимость осмотра отдельных помещений, доступ в которые представителей сторонних (в том числе охранных) организаций противоречит каноническим нормам религиозной организации: алтарная часть храма и т. п.). Такого же уточнения требуют и положения правил о необходимости видеонаблюдения на территории объекта религиозного назначения, такое наблюдение не должно нарушать установленный канонами и богослужебными уставами порядок проведения богослужений, церемоний и прочих обрядов (например, тайну исповеди и т. п.).

Вместе с тем идеологический плюрализм должен иметь правовые ограничения, противодействующие проявлениям не мнимого, а действительного экстремизма в деятельности отдельных граждан или их объединений. Как отмечает И. А. Кравец, демократические ценности и права человека должны защищаться государством, а принцип плюрализма не является абсолютным. Используя конституционную телеологию, требуется соблюдать соразмерность ограничений конституционных принципов и одновременно способствовать научно обоснованному развитию государственных гарантий реализации прав и свобод граждан, обеспечивать баланс между государственными, общественными и личными интересами различных граждан, их объединений [20]. Обязанность государства по противодействию религиозному экстремизму вытекает из конституционных положений и предусмотрена Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Федеральным законом от 03.07.2019 № 170-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» установлено исключительное право религиозных организаций на организацию паломнической деятельности. Такие меры направлены на защиту верующих от мошенничества и экстремизма. Среди профилактических мер актуальной остается такая, как производство учета граждан, выезжающих за границу для получения религиозного образования в государства с нестабильной общественно-политической и религиозной обстановкой. Осуществление мониторинга должно осуществляться в целях профилактики терроризма и экстремизма. В зарубежной практике некоторых светских государств, присутствует институт регламентации осуществления паломнических поездок за границу. Так, в Республике Таджикистан, для которой уровень террористической и экстремистской опасности остается достаточно высоким, государство в целях защиты конституционных ценностей устанавливает разрешение на совершение хаджа, а также определяет возрастной ценз для зарубежного паломничества [21. С. 14]. Аналогичные правила действуют в Республике Узбекистан, Туркменистане и некоторых других светских государствах.

Таким образом, мировоззренческая свобода, являющаяся конституционной ценностью, направлена на предотвращение и разрешение конфликтов, возникающих на социальной, национальной и религиозной почве, позволяет сохранить конституционную национально-культурную идентичность российского народа, и является фундаментом для проведения государственной вероисповедной политики на основе принципа веротерпимости и взаимодействия государства и религиозных объединений. Конституционный принцип светского государства включает в себя набор отношений государства с религиозными объединениями и гражданами, характерной чертой которых выступает недоминирование религии в вопросах государственной политики и соблюдение свободы вероисповедания. При этом в основе отечественной конституционализации светского государства лежала задача не ограничить религию и ее влияние на государство, а защита прав верующих от государственного вмешательства и навязывания атеистической идеологии. Конституционализация принципа светского государства в РФ отражает процесс дифференциации религиозных конфессий и религиозных объединений, направленный на защиту интересов наиболее многочисленных религиозных организаций, представляющих большинство граждан РФ, в качестве критериев дифференциации выступает, во-первых, вклад конфессии в историческое и культурное развитие России, во-вторых, организационно-правовая форма объединения, в-третьих, разновидность религиозной организации по территориальному признаку, в-четвертых, самостоятель-

ность местной организации или ее вхождение в состав централизованной, в-пятых, «возраст» религиозной организации. Отличием российской конституционализации свободы вероисповедания от практики защиты свободы вероисповедания в рамках ЕСПЧ является направленность к суверенизации и национализации религиозного пространства России, что проявляется в механизме регулирования осуществления миссионерской деятельности иностранными религиозными организациями. Российская Федерация идет по пути формирования кооперационной модели светского государства с тесным взаимодействием (партнерством) государства с традиционными российскими конфессиями. В целях проведения единой государственной политики в сфере защиты традиционных семейных ценностей, культуры, общественной безопасности, защиты прав человека, профилактики терроризма и экстремизма требуется дальнейшее развитие кооперационной модели государственно-конфессиональных взаимоотношений.

Список литературы

1. **Крусс В. И.** Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 5–19.
2. Конституционное право России: учебник / Отв. ред. И. В. Выдрин. М.: Юрлитинформ, 2015. 582 с.
3. **Кравец И. А.** Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. 2018. № 12. С. 44–55.
4. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / Под ред. С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко. М.: Юрид. лит., 1996. Т. 16. 271 с.
5. **Митюков М. А.** Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 9 (82). С. 68–80.
6. **Бурьянов С. А.** Светскость государства в Российской Федерации. М.: Издательские решения, 2017. 196 с.
7. **Исаева А. А.** Религиозный фактор и обеспечение национальной безопасности в многоконфессиональной жизни российского общества: конституционно-правовое исследование // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 442. С. 226–232.
8. **Кондрашкин И. И.** Россия – светское государство. В чем суть этой важнейшей статьи Основного закона РФ // Светское государство – гарант общественного мира: Материалы обществ. конф. М., 2013. С. 129–133.
9. **Шахов М. О.** Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Сретенская духовная семинария, 2019. 880 с.
10. **Понкин И. В.** Современное светское государство: конструктивная светскость. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006. 389 с.
11. **Губин М. Ю.** Становление и развитие идеи светского государства в России: конституционно-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 229 с.
12. **Кравец И. А.** Homo Dignus в философском и правовом дискурсе: человеческое достоинство и философия конституционализма // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 26–37.
13. **Дмитров Н. Н.** Государственно-конфессиональные отношения: история и особенности правового регулирования в современной России. М.: Граница, 2017. 140 с.
14. **Исаева А. А.** Общественно полезные религиозные организации: особенности статуса, зарубежный опыт, перспективы использования в России. Томск: ИД ТГУ, 2014. 128 с.
15. **Маркова Е. Н.** Проблема правового определения «религии» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 34–45.
16. **Пчелинцев А. В.** Миссионерская деятельность: как не стать жертвой «закона Яровой»: советы от адвокатов. М.: Живая жизнь, 2016. 198 с.

17. **Маркова Е. Н.** «Дело о хиджабе в зале суда» или Еще раз о религиозных символах в публичном пространстве (обзор Постановления ЕСПЧ по делу «Лачири против Бельгии» // Российский судья. 2019. № 2. С. 54–60.
18. **Мещерякова А. Ф.** Светское государство в современной России: проблемы и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
19. **Янкевич С. В.** Светский характер общего образования в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 91–101.
20. **Кравец И. А.** Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 80–99.
21. **Овсянников Д. В.** Суннитский ислам и государственная власть в Таджикистане // Мусульманский мир. 2017. № 2. С. 6–26.

References

1. **Kruss V. I.** The vector of constitutionalization: Russian law on the path to identity. *Legal Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 5–19. (in Russ.)
2. Constitutional law of Russia. Textbook. Ed. by I. V. Vydrin. Moscow, Yurlitinform, 2015, 582 p. (in Russ.)
3. **Kravets I. A.** The Constitution and the values of constitutionalism as a mega-paradigm. *State and Law*, 2018, no. 12, p. 44–55. (in Russ.)
4. Constitutional meeting. Transcripts. Materials Documents. Eds. S. A. Filatov, V. S. Chernomyrdin, S. M. Shakh-ray, Yu. F. Yarov, A. A. Sobchak, V. F. Shumeyko. Moscow, Jurid. lit., 1996, vol. 16, 271 p. (in Russ.)
5. **Mityukov M. A.** Discussions about the secular state at the Constitutional Conference. *State power and local government*, 2017, no. 9 (82), p. 68–80. (in Russ.)
6. **Buryanov S. A.** Secularism of the state in the Russian Federation. Moscow, Publishing Solutions, 2017, 196 p. (in Russ.)
7. **Isaeva A. A.** Religious factor and ensuring national security in the multiconfessional life of Russian society: constitutional and legal research. *Tomsk State University Bulletin*, 2019, no. 442, p. 226–232. (in Russ.)
8. **Kondrashkin I. I.** Russia is a secular state. What is the essence of this most important article of the Basic Law of the Russian Federation. The secular state – the guarantor of the social world. Materials of societies. conf. Moscow, 2013, p. 129–133. (in Russ.)
9. **Shakhov M. O.** Legal basis for the activities of religious associations in the Russian Federation. Moscow, Sretensky Theological Seminary, 2019, 880 p. (in Russ.)
10. **Ponkin I. V.** Modern secular state: constructive secularism. Moscow, Institute of State-Confessional Relations and Law, 2006, 389 p. (in Russ.)
11. **Gubin M. Yu.** Formation and development of the idea of a secular state in Russia: constitutional and legal aspect. Cand. Legal Sci. Dis. Moscow, 2014, 229 p. (in Russ.)
12. **Kravets I. A.** Homo Dignus in philosophical and legal discourse: human dignity and the philosophy of constitutionalism. *Problems of Philosophy*, 2020, no. 2, p. 26–37. (in Russ.)
13. **Dmitrov N. N.** State-confessional relations: history and features of legal regulation in modern Russia. Moscow, Border, 2017, 140 p. (in Russ.)
14. **Isaeva A. A.** Socially useful religious organizations: status features, foreign experience, prospects for use in Russia. Tomsk, TSU Publishing House, 2014, 128 p. (in Russ.)
15. **Markova E. N.** The problem of the legal definition of “religion”. *Constitutional and municipal law*, 2018, no. 11, p. 34–45. (in Russ.)
16. **Pchelintsev A. V.** Missionary work: how to avoid becoming a victim of the “Spring Law”: advice from lawyers. Moscow, Living life, 2016, 198 p. (in Russ.)

17. **Markova E. N.** “The case of the hijab in the courtroom” or Once again about religious symbols in public space (review of the ECtHR judgment in the case of “Lachiri vs Belgium”. *Russian judge*, 2019, no. 2, p. 54–60. (in Russ.)
18. **Meshcheryakova A. F.** Secular state in modern Russia: problems and development prospects. Moscow, Yurlitinform, 2013, 200 p. (in Russ.)
19. **Yankevich S. V.** Secular nature of general education in the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, p. 91–101. (in Russ.)
20. **Kravets I. A.** The value of constitutional teleology and constitutional legitimacy of political and ideological diversity: doctrine and practice. *Russian Journal of Legal Research*, 2015, no. 3 (4), p. 80–99. (in Russ.)
21. **Ovsyannikov D. V.** Sunni Islam and State Power in Tajikistan. *The Muslim World*, 2017, no. 2, p. 6–26. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
18.07.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Дробот Семен Евгеньевич, ассистент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Semyon E. Drobot, Assistant Professor, Department of theory and history of state and law, constitutional law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

dse1991@rambler.ru